

Николай Михайлович Карамзин

Марфа-посадница, или Покорение Новагорода

Историческая повесть
1802

Содержание

#1	0004
Книга первая0006
Книга вторая0031
Книга третья0062

**Николай Михайлович
Карамзин**

**Марфа-посадница, или
Покорение Новагорода
(Историческая повесть)**

Вот один из самых важнейших случаев российской истории! — говорит издатель сей повести. — Мудрый Иоанн[1] должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей Державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев:[2] они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например Ярославом,[3] утвердителем их вольности. Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новгороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы.

В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано одним из знатных новгородцев, переселенных великим князем Иоанном Васильевичем в другие города. Все главные происшествия согласны с историею. И летописи и старин-

ные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катоном[4] своей республики.

Кажется, что старинный автор сей повести даже и в душе своей не винил Иоанна. Это делает честь его справедливости, хотя при описании некоторых случаев кровь новгородская явно играет в нем. Тайное побуждение, данное им фанатизму Марфы, доказывает, что он видел в ней только страстную, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину.

Книга первая

Раздался звук вечаевого колокола, и вздрогнули сердца в Новегороде. Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей, чтобы спешить, куда зовет их отечество.

Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан шумными толпами на великую площадь. Все спрашивают; никто не ответствует... Там, против древнего дому Ярославова,[5] уже собрались посадники[6] с золотыми на груди медалями, тысяцкие с высокими жезлами, бояре, люди житые[7] с знаменами и старосты всех пяти концов новгородских [Так назывались части города: Конец, Нероеский, Гончарский, Славянский, Загородский и Плотнинский. (Примеч. автора.)] с серебряными секирами. Но еще не видно никого на месте лобном, или Вадимовом[8] (где возвышался мраморный образ сего витязя). Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча, Иосиф Делинский, именитый гражданин, бывший семь раз степенным посадником — и всякий раз с новыми услугами отечеству, с новою честью

для своего имени, — всходит на железные ступени, открывает седую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говорит ему, что князь московский прислал в Великий Новгород своего боярина, который желает всенародно объявить его требования... Посадник сходит — и боярин Иоаннов является на Вадимовом месте, с видом гордым, препоясанный мечом и в латах. То был воевода, князь Холмский, муж благоразумный и твердый — правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных — храбрый в битвах, велеречивый в совете. Все безмолвствуют, боярин хочет говорить... Но юные надменные новгородцы восклицают: "Смирись пред великим народом!" Он медлит — тысячи голосов повторяют: "Смирись пред великим народом!" Боярин снимает шлем с головы своей — и шум умолкает.

"Граждане новгородские! — вещает он. — Князь Московский и всея России говорит с вами — внимайте!

Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели

править сами собой и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на Праге вечности, заклинал их избрать владельца. Они поверили ему, ибо человек при дверях гроба может говорить только истину.

Граждане новгородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого. Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседей, новгородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и когда Олег[9] храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорялись ему с радостью, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию.

Олег, следуя за течением Днепра, возлю-

бил красные берега его и в благословенной стране Киевской основал столицу своего обширного государства; но Великий Новгород был всегда десницею[10] князей великих, когда они славили делами имя русское. Олег под щитом новгородцев прибил щит свой [11] к вратам цареградским. Святослав[12] с дружиною новгородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия, и внук Ольгин[13] вашими предками был прозван Владетелем мира.

Граждане новгородские! Не только воинскою славою обязаны вы государям русским: если глаза мои, обращаясь на все концы вашего града, видят повсюду золотые кресты великолепных храмов святой веры, если шум Волхова напоминает вам тот великий день, в который знаки идолослужения погибли с шумом в быстрых волнах его, то вспомните, что Владимир соорудил здесь первый храм истинному богу, Владимир низверг Перуна[14] в пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны в Новгороде, то скажите, чья рука оградила их безопасностью?.. Здесь (указывая на дом Ярослава) — здесь жил мудрый законодатель, благодетель ваших

предков, князь великодушный, друг их, которого называли они вторым Рюриком!.. Потомство неблагодарное! Внимай справедливым укоризнам!

Новгородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братии своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властью... и в какие времена? Остыд имени русского! Родство и дружба познаются в напастях, любовь к отечеству также... Бог в неисповедимом совете своем положил наказать землю русскую. Явились варвары бесчисленные, пришельцы от стран никому не известных [Так думали в России о татарах (Примеч. автора.)], подобно сим тучам насекомых, которые небо во гневе своем гонит бурею на жатву грешника. Храбрые славяне, изумленные их явлением, сражаются и гибнут, земля русская обагрется кровью русских, города и села пылают, гремят цепи на девах и старцах... Что ж делают новгородцы? Спешат ли на помощь к братьям своим... Нет! Пользуясь своим удалением от мест кровопролития, пользуясь общим бедствием князей, отнимают у них власть законную, держат

их в стенах своих, как в темнице, изгоняют, призывают других и снова изгоняют, Государи новгородские, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадников и трепетать вечевого колокола, как трубы суда Страшного! Наконец никто уже не хотел быть князем вашим, рабом мятежного веча... Наконец русские и новгородцы не узнают друг друга!

Отчего же такая перемена в сердцах ваших? Как древнее племя славянское могло забыть кровь свою?.. Корыстолюбие, корыстолюбие ослепило вас! Русские гибнут, новгородцы богатеют. В Москву, в Киев, в Владимир привозят трупы христианских витязей, убиенных неверными, и народ, осыпав пеплом главу свою, с воплем встречает их; в Новгород привозят товары чужеземные, и народ с радостными восклицаниями приветствует гостей [То есть купцов. (Примеч. автора.)] иностранных! Русские считают язвы свои, новгородцы считают золотые монеты. Русские в узах, новгородцы славят вольность свою!

Вольность!.. Но вы также рабствуете. Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолюбивые,

уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь — ибо народ всегда повиноваться должен, — но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд! Потомки славян ценят златом права властителей! Роды княжеские, издревле имениты, возвысились делами храбрости и славы; ваши посадники, тысяцкие, люди житые обязаны своим достоинством благоприятному ветру и хитростям корыстолюбия. Привыкшие к выгодам торговли, торгуют и благом народа; кто им обещает злато, тому они вас обещают. Так, известны князю Московскому их дружественные, тайные связи с Литвою и Казимиром.[15] Скоро, скоро вы соберетесь на звук вечего колокола, и надменный поляк скажет вам на лобном месте: "Вы — рабы мои!" Но бог и великий Иоанн еще о вас пекутся.

Новгородцы! Земля русская воскресает. Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших.[16] Дуга мира и завета воссияла над могилами князей Георгия, Андрея, Михаила.[17] Небо примирилось с нами, и мечи татарские иступились.

Настало время мести, время славы и торжества христианского. Еще удар последний не совершился, но Иоанн, избранный богом, не опустит державной руки своей, доколе не сокрушит врагов и не смешает их праха с землею перстию.[18] Димитрий,[19] поразив Мамая, не освободил России; Иоанн все предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской. Дети отечества, после горестной долговременной разлуки, объемяются с веселием пред очами государя и мудрого отца их.

Но радость его не будет совершенна, доколе Новгород, древний, Великий Новгород, не возвратится под сень отечества. Вы оскорбляли его предков, он все забывает, если ему покоритесь. Иоанн, достойный владеть миром, желает только быть государем новгородским!.. Вспомните, когда он был мирным гостем среди вас; вспомните, как вы удивлялись его величию, когда он, окруженный своими вельможами, шел по стогнам[20] Новгорода в дом Ярославов; вспомните, с каким

благоволением, с какою мудростию он беседовал с вашими боярами о древностях новгородских, сидя на поставленном для него троне близ места Рюрикова, откуда взор его обнимал все концы града и веселые окрестности; вспомните, как вы единодушно восклицали: "Да здравствует князь московский, великий и мудрый!" Такому ли государю не славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров? Тогда Новгород еще более украсится и возвеличится в мире. Вы будете первыми сынами России; здесь Иоанн поставит трон свой и воскресит счастливые времена, когда не шумное вече, но Рюрик и Ярослав судили вас, как отцы детей, ходили по стогнам и вопрошали бедных, не угнетают ли их богатые? Тогда бедные и богатые равно будут счастливы, ибо все подданные равны пред лицом владыки самодержавного.

Народ и граждане! Да властвует Иоанн в Новгороде, как он в Москве властвует! Или — внимайте его последнему слову — или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам ва-

шим да усмирит мятежников!.. Мир или война? Ответствуйте!"

С сим словом боярин Иоаннов надел шлем и сошел с лобного места.

Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении. Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: "iВарсра! Марфа!" Она всходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала:

— "Вадим! Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы, я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастья..."

"Говори, славная дочь Новаграда!" — воскликнул на" род единогогласно — и глубокое безмолвие снова изъявило его внимание.

"Потомки славян великодушных! Вас называют мятежниками!.. За то ли, что вы подъяли из гроба славу их? Они были свободны, когда текли с востока на запад избрать себе жилище во вселенной, свободны, подобно орлам, парившим над их главою в обширных пустынях древнего мира... Они утвердились на красных берегах Ильменя и всё еще служили одному богу. Когда Великая Империя [Римская. (Примеч. автора.)], как ветхое здание, сокрушалась под сильными ударами диких героев севера, когда готфы, вандалы, эрулы и другие племена скифские искали везде добычи, жили убийствами и грабежом, тогда славяне имели уже селения и города, обрабатывали землю, наслаждались приятными искусствами мирной жизни, но все еще любили независимость. Под сению древа чувствительный славянин играл на струнах изобретенного им мусикийского орудия,[21] но меч его висел на ветвях, готовый наказать хищника и тирана. Когда Баян,[22] князь авар-

ский, страшный для императоров Греции, потребовал, чтобы славяне ему поддались, они гордо и спокойно ответствовали: "Никто во вселенной не может поработить нас, доколе не выдут из употребления мечи и стрелы!..". О великие воспоминания древности! Вы ли должны склонять нас к рабству и к узам?

Правда, с течением времен родились в душах новые страсти, обычаи древние, спасительные забывались, и неопытная юность презирала мудрые советы старцев; тогда славяне призвали к себе знаменитых храбростию князей варяжских, да повелевают юным мятежным воинством. Но когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим Храбрый звал его пред суд народа, "Меч и боги да будут нашими судиями!" — ответствовал Рюрик, и Вадим пал от руки его, сказав: "Новгородцы! На место, обогрешенное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие — и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших..." Исполнилось желание великого мужа: народ собирается на священной могиле его, свободно

и независимо решить судьбу свою.

Так, кончина Рюрика — да отдадим справедливость сему знаменитому витязю! — мудрого и смелого Рюрика воскресила свободу новгородскую. Народ, изумленный его величием, невольно и смиренно повиновался, но скоро, не видя уже героя, пробудился от глубокого сна, и Олег, испытав многократно его упорную непреклонность, удалился от Новгорода[23] с воинством храбрых варягов и славянских юношей, искать победы, данников и рабов между другими скифскими, менее отважными и гордыми племенами. С того времени Новгород признавал в князьях своих единственно полководцев и военачальников; народ избрал власти гражданские и, повинувшись им, повиновался уставу воли своей. В киевлянах и других россиянах отцы наши любили кровь славянскую, служили им, как друзьям и братьям, разили их неприятелей и вместе с ними славились победами. Здесь провел юность свою Владимир,[24] здесь, среди примеров народа великодушного, образовался великий дух его, здесь мудрая беседа старцев наших возбудила в нем желание во-

просить все народы земные о таинствах веры их, да откроется истина ко благу людей; и когда, убежденный в святости христианства, он принял его от греков, новгородцы, разумнее других племен славянских, изъявили и более ревности к новой истинной вере. Имя Владимира священо в Новгороде; священна и любезна память Ярослава, ибо он первый из князей русских утвердил законы и вольность великого града. Пусть дерзость называет отцов наших неблагодарными за то, что они отражали властолюбивые предприятия его потомков! Дух Ярославов оскорбился бы в небесных селениях, если бы мы не умели сохранить древних прав, освященных его именем. Он любил новгородцев, ибо они были свободны; их признательность радовала его сердце, ибо только души свободные могут быть признательными: рабы повинуются и ненавидят! Нет, благодарность наша торжествует, доколе народ во имя отечества собирается пред домом Ярослава и, смотря на сии древние стены, говорит с любовью: "Там жил друг наш!"

Князь московский укоряет тебя, Новгород, самым твоим благодеянием и в сей вине не

может оправдаться! Так, конечно: цветут области новгородские, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются к нам рекою; Великая Ганза [Союз вольных немецких городов, который имел свои конторы в Новгороде. (Примеч. автора.)] гордится нашим союзом; чужеземные гости ищут дружбы нашей, удивляются славе великого града, красоте его зданий, общему избытку граждан и, возвратясь в страну свою, говорят: "Мы видели Новгород, и ничего подобного ему не видали!" Так, конечно: Россия бедствует — ее земля обагрется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распутьях. Так, мы счастливы — и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага, дерзнули не участвовать в междоусобиях князей, дерзнули спасти имя русское от стыда и поношения, не принять оков татарских и сохранить драгоценное достоинство народное!

Не мы, о россияне несчастные, но всегда любезные нам братья! не мы, но вы нас оставили, когда пали на колена пред гордым ха-

ном и требовали цепей для спасения поносной[25] жизни, когда свирепый Батый, видя свободу единого Новаграда, как яростный лев, устремился растерзать его смелых граждан, когда отцы наши, готовясь к славной битве, острили мечи на стенах своих без робости: ибо знали, что умрут, а не будут рабами!.. Напрасно с высоты башен взор их искал вдали дружественных легионов русских, в надежде, что вы захотите в последний раз и в последней ограде русской вольности еще сразиться с неверными! Одни робкие толпы беглецов являлись на путях Новаграда; не стук оружия, а вопль малодушного отчаяния был вестником их приближения; они требовали не стрел и мечей, а хлеба и крова!.. Но Батый, видя отважность свободных людей, предпочел безопасность свою злобному удовольствию мести. Он спешил удалиться!.. Напрасно граждане новгородские молили князей воспользоваться таким примером и общими силами, с именем бога русского ударить на варваров; князья платили дань и ходили в стан татарский обвинять друг друга в замыслах против Батая; великодушные сделалось предметом до-

носов, к несчастью ложных!.. И если имя победы в течение двух столетий сохранилось еще в языке славянском, то не гром ли новгородского оружия напоминал его земле Русской? Не отцы ли наши разили еще врагов на берегах Невы?[26] Воспоминание горестное! Сей витязь добродетельный, драгоценный остаток древнего геройства князей варяжских, заслужив имя бессмертное с верною новгородскою дружиною, храбрый и счастливый между нами, оставил здесь и славу и счастье, когда предпочел имя великого князя России имени новгородского полководца: не величие, но унижение и горесть ожидали Александра во Владимире[27] — и тот, кто на берегах Невы давал законы храбрым ливонским рыцарям, должен был упасть к ногам Сартака.[28]

Иоанн желает повелевать великим градом: не удивительно! он собственными глазами видел славу и богатство его. Но все народы земные и будущие столетия не стали бы дивиться, если бы мы захотели ему повиноваться. Какими надеждами он может обольстить нас? Одни несчастные легковверны; одни

несчастливые желают перемен — но мы благоденствуем и свободны! благоденствуем оттого, что свободны! Да молит Иоанн небо, чтобы оно во гневе своем ослепило нас: тогда Новгород может возненавидеть счастье и пожелать гибели, но доколе видим славу свою и бедствия княжеств русских, доколе гордимся ею и жалеем об них, доколе права новгородские всего святее нам по боге.

Я не дерзну оправдывать вас, мужи, избранные общею доверенностию для правления! Клевета в устах властолюбия и зависти недостойна опровержения. Где страна цветет и народ ликует, там правители мудры и добродетельны. Как! Вы торгуете благом народным? Но могут ли все сокровища мира заменить вам любовь сограждан вольных? Кто узнал ее сладость, тому чего желать в мире? Разве последнего счастья умереть за отечество!

Несправедливость и властолюбие Иоанна не затмевают в глазах наших его похвальных свойств и добродетелей. Давно уже молва народная известила нас о его величии, и люди вольные желали иметь гостем самовластите-

ля; искренние сердца их свободно изливались в радостных восклицаниях при его торжественном въезде. Но знаки усердия нашего, конечно, обманули князя московского; мы хотели изъяснить ему приятную надежду, что рука его свергнет с России иго татарское: он вздумал, что мы требуем от него уничтожения нашей собственной вольности! Нет! Нет! Да будет велик Иоанн, но да будет велик и Новгород! Да славится князь Московский истреблением врагов христианства, а не друзей и не братии земли русской, которыми она еще славится в мире! Да прервет оковы ее, не возлагая их на добрых и свободных новгородцев! Еще Ахмат дерзает называть его своим данником: да идет Иоанн против монгольских варваров, и верная дружина наша откроет ему путь к стану Ахматову! Когда же сокрушит врага, тогда мы скажем ему: "Иоанн! Ты возвратил земле русской честь и свободу, которых мы никогда не теряли. Владей сокровищами, найденными тобою в стане татарском, они были собраны с земли твоей; на них нет клейма новгородского: мы не платили дани ни Батью, ни потомкам его! Царствуй с муд-

ростию и славою, залечи глубокие язвы России, сделай подданных своих и наших братии счастливыми — и если когда-нибудь соединенные твои княжества превзойдут славою Новгород, если мы позавидуем благоденствию твоего народа, если всевышний накажет нас раздорами, бедствиями, унижением, тогда — клянемся именем отечества и свободы! — тогда приидем не в столицу польскую, но в царственный град Москву, как некогда древние новгородцы пришли к храброму Рюрику; и скажем — не Казимиру, но тебе: "Владей нами! Мы уже не умеем править собою!"

Ты содрогаешься, о народ великодушный!.. Да идет мимо нас сей печальный жребий! Будь всегда достоин свободы, и будешь всегда свободным! Небеса правосудны и ввергают в рабство одни порочные народы. Не страшись угроз Иоанновых, когда сердце твое пылает любовью к отечеству и к святым уставам его, когда можешь умереть за честь предков своих и за благо потомства!

Но если Иоанн говорит истину, если в самом деле гнусное корыстолюбие овладело ду-

шами новгородцев, если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности, и вечевой колокол, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!., Тогда, тогда мы позавидуем счастью народов, которые никогда не знали свободы, Ее грозная тень будет являться нам, подобно мертвецу бледному, и терзать сердце наше бесполезным раскаянием!

Но знай, о Новгород, что с утратою вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изоцряет серпы и златит нивы, она привлекает иностранцев в наши стены с сокровищами торговли, она же окриляет суда новгородские, когда они с богатым грузом по волнам несутся... Бедность, бедность накажет недостойных граждан, не умевших сохранить наследия отцов своих! Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные концы твои, широкие улицы зарастут травой, и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов. Напрасно любопытный странник среди печальных развалин захочет искать того места,

где собиралось вече, где стоял дом Ярославов и мраморный образ Вадима: никто ему не укажет их. Он задумается горестно и скажет только: "Здесь был Новгород!.."

Тут страшный вопль народа не дал уже говорить посаднице. "Нет, нет! Мы все умрем за отечество! — восклицают бесчисленные голоса. — Новгород государь наш! Да явится Иоанн с воинством!" Марфа, стоя на Вадимовом месте, веселится действием ее речи. Чтобы еще более вспалить умы, она показывает цепь, гремит ею в руке своей и бросает на землю: народ в исступлении гнева попирает оковы ногами, взывая: "Новгород-государь наш! Война, война Иоанну!" Напрасно посол московский желает еще говорить именем великого князя и требует внимания, дерзкие поднимают на него руку, и Марфа должна защитить боярина. Тогда он извлекает меч, ударяет им о подножие Вадимова образа и, возвысив голос свой, с душевною скорбию произносит: "Итак, да будет война между великим князем Иоанном и гражданами новгородскими! Да возвратятся клятвенные грамоты! [Клятвенными грамотами назывались друже-

ственные трактаты. При объявлении войны надлежало всегда возвращать их. (Примеч. автора.)] Бог да судит вероломных!.." Марфа вручает послу грамоту Иоаннову и принимает новгородскую. Она дает ему стражу и знамя мира. Народные толпы перед ним расступаются. Боярин выходит из града. Там ожидала его московская дружина... Марфа следует за ним взором своим, опершись на образ Вадимов. Посол Иоаннов садится на коня и еще с горестию взирает на Новгород. Железные запоры стучат на городских воротах, и боярин тихо едет по московской дороге, провождаемый своими воинами. Вечерние лучи солнца угасали на их блестящем оружии.

Марфа вздохнула свободно. Видя ужасный мятеж народа (который, подобно бурным волнам, стремился по стогнам и беспрестанно восклицал: "Новгород государь наш! Смерть врагам его!"), внимая грозному набату, который гремел во всех пяти концах города (в знак объявления войны), сия величавая жена подымлет руки к небу, и слезы текут из глаз ее. "О тень моего супруга! тихо вещает она с умилением. — Я исполнила клятву свою!

Жребий брошен: да будет, что угодно судьбе!.." Она сходит с Вадимова места.

Вдруг раздается треск и гром на великой площади... Земля колеблется под ногами... Набат и шум народный умолкают... Все в изумлении. Густое облако пыли закрывает от глаз дом Ярослава и лобное место... Сильный порыв ветра разносит наконец густую мглу, и все с ужасом видят, что высокая башня Ярослава, новое гордое здание народного богатства, пала с вечевым колоколом и дымится в своих развалинах... [Летописи наши говорят о падении новой колокольни и ужасе народа. (Примеч. автора.)] Пораженные сим явлением, граждане безмолвствуют... Скоро тишина прерывается голосом — внятным, но подобным глухому стону, как будто бы исходящему из глубокой пещеры: "О Новгород! Так падет слава твоя! Так исчезнет твое величие!.." Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно место, но след голоса исчез в воздухе вместе с словами: напрасно искали, напрасно хотели знать, кто произнес их. Все говорили: "Мы слышали!", никто не мог сказать, от кого? Именитые чиновники, уstraшенные на-

родным впечатлением более, нежели самым происшествием, всходили один за другим на Вадимово место и старались успокоить граждан. Народ требовал мудрой, великодушной, смелой Марфы: посланные нигде не могли найти ее.

Между тем настала бурная ночь. Засветились факелы; сильный ветер беспрестанно задувал их, беспрестанно надлежало приносить огонь из домов соседственных. Но тысяцкие и бояре ревностно трудились с гражданами: отрыли вечевой колокол и повесили на другой башне. Народ хотел слышать священный и любезный звон его — услышал и казался покойным. Степенный посадник распустил вече. Толпы редели. Еще друзья и ближние останавливались на площади и на улицах говорить между собою, но скоро настала всеобщая тишина, подобно как море после бури, и самые огни в домах (где жены новгородские с беспокойным любопытством ожидали отцов, супругов и детей) один за другим погасли.

Книга вторая

В густоте дремучего леса, на берегу великого озера Ильменя, жил мудрый и благочестивый отшельник Феодосии, дед Марфы-посадницы, некогда знатнейший из бояр новгородских. Он семьдесят лет служил отечеству мечом, советом, добродетелию и наконец захотел служить богу единому в тишине пустыни, торжественно простился с народом на вече, видел слезы добрых сограждан, слышал сердечные благословения за долговременную новгородскую верность его, сам плакал от умиления и вышел из града. Златая медаль его висела в Софийской церкви, и всякий новый посадник украшался ею в день избрания.

Уже давно он жил в пустыне, и только два раза в год могла приходить к нему Марфа, беседовать с ним о судьбе Новагорода или о радостях и печалях ее сердца.

Сошедши с Вадимова места при звуке набата, она спешила к нему с юным Мирославом [В Новгороде было еще обыкновение называться древними славянскими именами. Так, например, летописи сохранили нам имя

Ратьмира, одного из товарищей Александра Невского. (Примеч. автора.)] и нашла его стоящего на коленях пред уединенною хижиною: он совершал вечернее моление. "Молись, добродетельный старец! — сказала она. — Буря угрожает отечеству". — «Знаю», — отвечивал пустынник и с горестию указал рукою на небо [В старину хотели всегда читать на небе предстоящую гибель людей. (Примеч. автора.)]. Густая туча висела и волновалась над Новымградом; из глубины ее сверкали красные молнии и вылетали шары огненные. Плотоядные враны станицами парили над золотыми крестами храмов, как будто бы в ожидании скорой добычи. Между тем лютые звери страшно выли во мраке леса, и древние сосны, ударяясь ветвями одна об другую, трещали на корнях своих... Марфа твердым голосом сказала пустыннику: "Когда бы все небо запылало и земля, как море, восколебалась под моими ногами, и тогда бы сердце мое не утрашилось: если Нозуграду должно погибнуть, то могу ли думать о жизни своей?" Она известила его о происшествии. Феодосии обнял ее с горячностью. "Великая дочь моего

сына! — вещал он с умилением. — Последняя отрасль нашего славного рода! В тебе пылает кровь Молинских: она не совсем охладела и в моем сердце, изнуренном летами; посвятив его небу, еще люблю славу и вольность Новаграда... Но слабая рука человеческая отведет ли сокрушительные удары всевышней десницы? Душа моя содрогается: я предвижу бедствия!.. — "Судьба людей и народов есть тайна провидения, — отвечает Марфа, — но дела зависят от нас единственно, и сего довольно. Сердца граждан в руке моей: они не покорятся Иоанну, и душа моя торжествует! Самая опасность веселит ее... Чтоб не укорять себя в будущем, потребно только действовать благоразумно в настоящем, избирать лучшее и спокойно ожидать следствий... Многочисленное воинство соберется, готовое отразить врага, но должно поручить его вождю надежному, смелому, решительному. Исаак Борецкий [Муж ее. (Примеч. автора.)] во гробе, в сынах моих нет духа воинского, я воспитала их усердными гражданами: они могут умереть за отечество, но единое небо вливает в сердца то пламенное геройство, которое повелевает

роком в день битвы". — "Разве мало славных витязей в Новеграде? — сказал Феодосии, — Ужас Ливонии, Георгий Смелый..." — "Преселился к отцам своим", — "Победитель Витовта, Владимир Знаменитый," — "От старости меч выпал из руки его", — "Михаил Храбрый..." — "Он — враг Иосифа Делийского и Борецких; может ли быть другом отечества?" — "Дмитрий Сильный..." — "Сильна рука его, но сердце коварно: он встретил за городом посла Иоаннова и тайно говорил с ним", — "Кто ж будет главою войска и щитом Новаграда?" — "Сей Юноша!" ответствует посадница, указав на Мирослава... Он снял пернатый шлем с головы своей; заря вечерняя и блеск молнии освещали величественную красоту его. Феодосии смотрел с удивлением на юношу.

"Никто не знает его родителей, — говорила Марфа, — он был найден в пеленах на железных ступенях Вадимова места и воспитан в училище Ярослава [Так называлось всегда главное училище в Новеграде (говорит автор). (Примеч. автора.)], рано удивлял старцев своею мудростию на вечех, а витязей — храбростию в битвах. Исаак Борецкий умер в его

объятиях. Всякий раз, когда я встречалась с ним на стогнах града, сердце мое влеклось дружною к юноше, и взор мой невольно за ним следовал. Он — сирота в мире, но бог любит сирых, а Новгород — великодушных. Их именем ставлю юношу на степень величия, их именем вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоценнее в свете: вольности и Ксении! Так, он будет супругом моей любезнейшей дочери! Тот, кто опасным и великим саною вождя обратит на себя все стрелы и копья самовластия, мною раздраженного, не должен быть чуждым роду Борецких и крови моей... Я изумила[29] благородное и чувствительное сердце юноши! он клянется победою или смертью оправдать меня в глазах сограждан и потомства. Благослови, муж святой и добродетельный, волю нежной матери, которая более Ксении любит одно отечество! Сей союз достоин твоей правнуки! он заключается в день решительный для Новаграда и соединяет ее жребий с его жребием. Супруг Ксении есть или будущий спаситель отечества, или обреченная жертва свободы!"

Феодосии обнял юношу, называя его сы-

НОМ СВОИМ.

Они вошли в хижину, где горела лампада, Старец дрожащею рукою снял булатный меч, на стене висевший, и, вручая его Мирославу, сказал: "Вот последний остаток миреккой славы в жилище отшельника! Я хотел сохранить его до гроба, но отдаю тебе: Ратьмир, предок мой, изобразил на нем золотыми буквами слова: "Никогда врагу не достанется"...". Мирослав взял сей древний меч с благоговением и гордо отвечивал; "Исполню условие!" Марфа долго еще говорила с мудрым Феодосиею о силах князя московского, о верных и неверных союзниках Новаграда и сказала наконец юноше: "Возвратимся, буря утихла. Народ покоится в великом граде, но для сердца моего уже нет спокойствия!" Старец проводил их с молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобном месте посадницу, окруженную народом. Она держала за руку Мирослава и говорила: "Народ! Сей витязь есть небесный дар великому граду. Его рождение скрывается во мраке таинства, но благословение всевышнего явно ознаменовало юношу,

Чем небо отличает своих избранных, когда сей вид геройский, сие чело гордое, сей взор огненный не есть печать любви его? Он питомец отечества, и сердце его сильно бьется при имени свободы. Вам известны подвиги Мирославской храбрости... (Марфа с жаром и красноречием описала их.) Сograждане! — сказала она в заключение. — Кого более всех должен ненавидеть князь московский, тому более всех вы можете верить: я признаю Мирослава достойным вождем новгородским!.. Самая цветущая молодость его вселяет в меня надежду: счастье ласкает юность!.. " Народ поднял вверх руки; Мирослав был избран!.. "Да здравствует юный вождь сил новгородских!" — восклицали граждане, и юноша с величественным смирением. преклонил голову. Бояре и люди житые осенили его своими знаменами. Иосиф Делинский, друг Марфы, вручил юноше златой жезл начальства. Старосты пяти концов новгородских стали пред ним с секирами, и тысяचेкие, громогласно объявив собрание войска, на лобном месте записывали имена граждан для всякой тысячи, Димитрий Сильный обнимал Мирослава, на-

зывая его своим повелителем, но Михаил Храбрый, воин суровый, изъяслял негодование. Народ, раздраженный его укоризнами, хотел смирить гордого, но Марфа и Делинский великодушно спасли его: они уважали в нем достоинство витязя и щадили врага личного, презирая месть и злобу.

Марфа от имени Новаграда написала убедительное и трогательное письмо к союзной Псковской республике. "Отцы наши, — говорила она, — жили всегда в мире и дружбе; у них было одно бедствие и счастье, ибо они одно любили и ненавидели. Братья по крови славянской и вере православной, они назывались братьями и по духу народному. Псковитянин в Новгороде забывал, что он не в отчизне своей, и давно уже известна пословица в земле русской: "Сердце на Великой [Имя Псковской реки. (Примеч. автора)], душа на Волхове". Если мы чаще могли помогать вам, нежели вы нам, если страны дальние от нас ведали имя ваше, если условия, заключенные Великим градом с Великою Ганзою, оживили торговлю псковскую, если вы заимствовали его спасительные уставы гражданские и

если ни хищность татар, ни властолюбие князей тверских не повредили вашему благоденствию (ибо щит Новаграда осенял друзей его), то хвала единому небу! Мы не гордимся своими услугами и счастливы только их воспоминанием. Ныне, братья, зовем вас на помощь к себе не для отплаты за добро новгородское, а для собственного вашего блага. Когда рука сильного сразит нас, то и вы не переживете верных друзей своих. Самая покорность не спасет вашего бытия народного: гражданин не угодит самовластителю, пока не будет рабом законным. Уверенные в вашей мудрости и любви к общей славе, мы уже назначили пред градом место для верной дружины псковской". Чиновники подписали грамоту, и гонец немедленно отправился с нею.

Трубы и литавры возвестили на Великой площади явление гостей иностранных. Музыканты, в шелковых красных мантиях, шли впереди, за ними граждане десяти вольных городов немецких, по два в ряд, все в богатой одежде, и несли в руках, на серебряных блюдах, золотые слитки и камни драгоценные. Они приближались к Вадимову месту и по-

ставили блюда на ступени его. Раствер[30] города Любека требовал слова — и сказал народу: "Граждане и чиновники! Вольные люди немецкие сведали, что сильный враг угрожает Новуграду. Мы давно торгуем с вами и хвалимся верностию, славимся приязнию новгородскою; знаем благодарность, умеем помогать друзьям в нужде. Граждане и чиновники! Примите усердные дары добрых гостей иностранных, не столько для умножения казны вашей, сколько для нашей чести. Требуем еще от вас оружия и дозволения сражаться под знаменами новгородскими. Великая Ганза не простила бы нам, если бы мы остались только свидетелями ваших опасностей. Нас семь сот человек в великом граде, все выдем в поле — и клянемся верностию немецкою, что умрем или победим с вами!" Народ с живейшею благодарностию принял такие знаки дружеского усердия. Сам Мирослав роздал оружие гостям чужеземным, которые желали составить особенный легион; Марфа назвала его дружиною великодушных, и граждане общим восклицанием подтвердили сие имя.

Уже среди шумных воинских приготовлений день склонялся к вечеру — и юная Ксения, сидя под окном своего девического терема, с любопытством смотрела на движения народные: они казались чуждыми ее спокойному, кроткому сердцу!.. Злополучная!.. Так юный невинный пастырь, еще озаряемый лучами солнца, с любопытством смотрит на сверкающую вдали молнию, не зная, что грозная туча на крыльях бури прямо к нему стремится, грянет и поразит его!.. Воспитанная в простоте древних славянских нравов, Ксения умела наслаждаться только одною своею ангельскою непорочностию и ничего более не желала; никакое тайное движение сердца не давало ей чувствовать, что есть на свете другое счастье. Если иногда светлый взор ее нечаянно устремлялся на юношей новгородских, то она краснелась, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродетели. Любить мать и свято исполнять ее волю, любить братьев и милыми ласками доказывать им свою нежность было единственною потребностию сей кроткой души. Но судьба неисповедимая захотела ввергнуть ее

в мятеж страстей человеческих; прелестная, как роза, погибнет в буре, но с твердостью и великодушием: она была славянка!.. Искра едва на земле светится, сильный ветер развеивает из нее пламя.

Отворяется дверь уединенного терема, и служанки входят с богатым нарядом: подают Ксении одежду алую, ожерелье жемчужное, серьги изумрудные, произносят имя матери ее, и дочь, всегда послушная, спешит нарядиться, не зная для чего. Скоро приходит Марфа, смотрит на Ксению, смягчается душою и дает волю слезам материнской горячности.. Может быть, тайное предчувствие в сию минуту омрачило сердце ее: может быть, милая дочь казалась ей несчастною жертвою, украшенною для алтаря и смерти! Долго не может она говорить, прижимая любезную, спокойную невинность к пламенной груди своей; наконец укрепились силою мужества и сказала: "Радуйся, Ксения! Сей день есть счастливейший в жизни твоей, нежная мать избирает тебе супруга, достойного быть ее сыном!.." Она ведет ее в храм Софийский.[31]

Уже народ сведал о сем знаменитом браке,

изъявлял радость свою и шумными толпами провожал Ксению, изумленную, встревоженную столь внезапною переменою судьбы своей... Так юная горлица, воспитанная под крылом матери, вдруг видит мирное гнездо свое, разрушенное вихрем, и сама несется им в неизвестное пространство; напрасно хотела бы она слабым усилием нежных крыльев своих противиться стремлению бури... Уже Ксения стоит пред олтарем подле юноши, уже совершается обряд торжественный, уже она — супруга, но еще не взглянула на того, кто должен быть отныне властелином судьбы ее. О слава священных прав матери и добродетельной покорности дев славянских!.. Сам Феофил [Тогдашний епископ новгородский. (Примеч., автора.)] благословил новобрачных. Ксения рыдала в объятиях матери, которая, с нежностью обнимая дочь свою и Мирослава, в то же время принимала с величием усердные поздравления чиновников. Иосиф Делинский именем всех граждан звал юношу в дом Ярославов. "Ты не имеешь родителей, — говорил он, — отечество признает тебя великим сыном своим, и главный защитник прав но-

вогородских да живет там, где князь добродетельный утвердил их своею печатью и где Новгород желает ныне угостить новобрачных!.." — "Нет, — ответствовала Марфа, — еще меч Иоаннов не преломился о щит Мирослава или не обагрился его кровию за Новгород!.. — И тихо примолвила: — О верный друг Борецких! Хотя в сей день, в последний раз, да буду матерью одна среди моего семейства!" Она вышла из храма с детьми своими. Чиновники не дерзали следовать за нею, и народ дал новобрачным дорогу, жены знаменитые усыпали ее цветами до самых ворот посадицы. Мирослав вел нежную, томную Ксению (и Новгород никогда еще не видал столь прелестной четы) — впереди Марфа — за нею два сына ее. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своих гармонических орудиях. Граждане забыли опасность и войну, веселие сияло на лицах, и всякий отец, смотря на величественного юношу, гордился им, как сыном своим, и всякая мать, видя Ксению, хвалилась ею, как милою своею дочерью. Марфа веселилась усердием народным: облако всегдашней задумчивости исчезло в глазах ее, она взира-

ла на всех с улыбкою приветливой благодарности.

С самой кончины Исаака Борецкого дом его представлял уныние и пустоту горести: теперь он снова украшается коврами драгоценными и богатыми тканями немецкими, везде зажигаются светильники серебряные, и верные слуги Борецких радостными толпами встречают новобрачных. Марфа садится за стол с детьми своими; ласкает их, целует Ксению и всю душу свою изливает в искренних разговорах. Никогда милая дочь ее не казалась ей столь любезною. "Ксения! говорит она. — Нежное, кроткое сердце твое узнает теперь новое счастье, любовь супружескую, которой все другие чувства уступают. В ней жена малодушная, осужденная роком на одни жалобы и слезы в бедствиях, находит твердость и решительность, которой могут завидовать герои!.. О дети любезные! Теперь открою вам тайну моего сердца!.. — Она дала знак рукою, и многочисленные слуги удалились. — Было время, и вы помните его, продолжала Марфа, — когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства в тиши-

не дома своего, боялась шума народного и только в храмы священные ходила по стогнам, не знала ни вольности, ни рабства, не знала, повинуюсь сладкому закону любви, что есть другие законы в свете, от которых зависит счастье и бедствие людей. О время блаженное! Твои милые воспоминания извлекают еще нежные слезы из глаз моих!.. Кто ныне узнает мать вашу? Некогда робкая, боязливая, уединенная, с смелою твердостью председатель теперь в совете старейшин, является на лобном месте среди народа многочисленного, велит умолкнуть тысячам, говорит на вече, волнует народ, как море, требует войны и кровопролития — та, которую прежде одно имя их ужасало!.. Что ж действует в душе моей? Что пременило ее столь чудесно? Какая сила дает мне власть над умами сограждан? Любовь!.. Одна любовь... к отцу вашему, сему герою добродетели, который жил и дышал отечеством!.. Готовый выступить в поле против литовцев, он казался задумчивым, беспокойным; наконец открыл мне душу свою и сказал: "Я могу положить голову в сей войне кровопролитной; дети наши еще младенцы; с

моею смертью умолкнет голос Борецких на вече, где он издревле славил вольность и воспалая любовь к отечеству. Народ слаб и легкомыслен: ему нужна помощь великой души в важных и решительных случаях. Я предвижу опасности, и всех опаснее для нас князь московский, который тайно желает покорить Новгород. О друг моего сердца! Успокой его!: летописи древние сохранили имена некоторых великих жен славянских: клянись мне превзойти их! Клянись заменить Исаака Борецкого в народных советах, когда его не будет на свете! Клянись быть вечным врагом неприятелей свободы ковогородской, клянись умереть защитницею прав ее! И тогда умру спокойно..." Я дала клятву... Он погиб вместе с моим счастьем... Не знаю, катились ли из глаз моих слезы на гроб его: я не о слезах думала, но обожав супруга, пылала ревностью воскресить в себе душу его. Мудрые предания древности, языки чужеземные, летописи народов вольных, опыты веков просветили мой разум. Я говорила — и старцы с удивлением внимали словам моим, народ добродушный, осыпанный моими благодеяниями, любит и

славит меня, чиновники имеют ко мне доверенность, ибо думаю только о славе Новаграда; враги и завистники... Но я презираю их. Все видят дела мои, но вы, однако, знаете теперь их тайный источник. О Ксения! Я могу служить тебе примером, но ты, юноша, избранный сын моего сердца, желай только сравняться с отцом ее. Он любил супругу и детей своих, но с радостью предал бы нас в жертву отечеству. Гордость, славолюбие, героическая добродетель есть свойство великого мужа: жена слабая бывает сильна одною любовью, но, чувствуя в сердце ее небесное вдохновение, она может превзойти великодушием самых великих мужей и сказать року: "Не страшусь тебя!" Так Ольга любовью к памяти Игоря заслужила бессмертие; так Марфа будет удивлением потомства, если злословие не омрачит дел ее в летописях!.."

Она благословила детей и заключилась в уединенном своем тереме, но сон не смыкал глаз ее. В самую глубокую полночь Марфа слышит тихий стук у двери, отворяет ее — и входит человек сурового вида, в одежде нерусской, с длинным мечом литовским, с

златою на груди звездою, едва наклоняет свою голову, объявляет себя тайным послом Казимира и представляет Марфе письмо его. Она с гордою скромностию отвечает: "Жена новгородская не знает Казимира; я не возьму грамоты". Хитрый поляк хвалит героиню великого града, известную в самых отдаленных странах, уважаемую царями и народами. Он уподобляет ее великой дочери Краковой и называет новгородскую Вандою... [32] Марфа внимает ему с равнодушием. Поляк описывает ей величие своего государя, счастье союзников и бедствие врагов его... Она с гордостью садится. "Казимир великодушно предлагает Новугороду свое заступление, говорит он, — требуйте, и легионы польские окружат вас своими щитами!.." Марфа задумалась... "Когда же спасем вас, тогда..." Посадница быстро взглянула на него... "Тогда благодарные новгородцы должны признать в Казимире своего благодетеля — и властелина, который, без сомнения, не употребит во зло их доверенности..." — "Умолкни!" — грозно восклицает Марфа. Изумленный пылким ее гневом, посол безмолвствует,

но, устыдясь робости своей, возвышает голос и хочет доказать необходимую гибель Новгорода, если Казимир не защитит его от князя московского... "Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей! — с жаром отвечает Марфа. — Когда вы не были лютыми врагами народа русского! Когда мир надеялся на слово польское? Давно ли сам неверный Амурат[33] удивлялся вероломству вашему? [Сие происшествие было тогда еще ново. Владислав, король польский, едва заключив торжественный мир с султаном, нечаянно напал на его владения. (Примеч. автора.)] И вы дерзаете мыслить, что народ великодушный захочет упасть на колена пред вами? Тогда бы Иоанн справедливо укорял нас изменою. Нет! Если угодно небу, то мы падем с мечом в руке пред князем московским: одна кровь течет в жилах наших; русский может покориться русскому, но чужеземцу — никогда, никогда!.. Удались немедленно, и если восходящее солнце осветит тебя еще в стенах новгородских, ты будешь выслан с бесчестием. Так, Марфа любима народом своим, не она велит ему ненавидеть Литву и Поль-

шу... Вот ответ Казимиру!"

Посол удалился.

На другой день Новгород представил вместе и грозную деятельность воинского стана и великолепие народного пиршества, данного Марфою в знак ее семейственной радости. Стук оружия раздавался на стогнах. Везде являлись граждане в шлемах и в латах; старцы сидели на Великой площади и рассказывали о битвах юношам неопытным, которые вокруг их толпились, и еще в первый раз видели на себе доспехи блестящие. В то же время, бесчисленные столы накрывались вокруг места Вадимова: ударили в колокол, и граждане сели за них; воины клали подле себя оружие и пировали. Рука изобилия подавала яства. Борецкие угощали народ с восточною роскошью. Мирослав и Ксения ходили вокруг столов и просили граждан веселиться. Юный полководец ласково говорил с ними, юная супруга его кланялась им приветливо. В сей день новгородцы составляли одно семейство: Марфа была его матерью. Она садилась за всяким столом, называла граждан своими гостями любезными, служила им, дружески

беседовала с ними, хотела казаться равною со всеми и казалась царицею. Громогласные изъявления усердия и радости встречали и провожали ее; когда она говорила, все безмолвствовали; когда молчала, все говорить хотели, чтобы славить и величать посадницу. За первым столом и в первом месте сидел древнейший из новгородских старцев, которого отец помнил еще Александра Невского: внук с седою бородою принес его на пир народный. Марфа подвела к нему новобрачных: он благословил их и сказал: "Живите мои лета, но не переживайте славы Новгородской!.." Сама посадница налила ему серебряный кубок вина фряжского:[34] старец выпил его, и томная кровь начала быстрее в нем обращаться. "Марфа! — говорил он. — Я был свидетелем твоего славного рождения на берегу Невы. Храбрый Молинский занемог в стане: войско не хотело сражаться до его выздоровления. Мать твоя спешила к нему из великого града, и когда мы разили немецких рыцарей когда родитель твой, еще бледный и слабый, мечом своим указывал нам путь к их святому прапору,[35] ты родилась. Первый вопль твой

был для нас гласом победы, но Молинский упал мертвый на тело великого магистра[36] Рудольфа, им сраженного!.. Финский волхв, живший тогда на берегу Невы, пророчествовал, что судьба твоя будет славна, но..." Старец умолк. Марфа не хотела изъявить любопытства.

Все чиновники вместе с нею и детьми ее служили народу, Гости иностранные, украсили Великую. площадь; разноцветными пирамидами, изобразив на них имена и гербы вольных городов немецких. Вокруг пирамид в больших корзинах лежали товары чужеземные: Марфа дарила их народу. Мраморный образ Вадимов был увенчан искусственными лаврами; на щите его вырезал Делинский имя Мирослава: граждане, увидев то, воскликнули от радости, и Марфа с чувствительностью обняла своего друга. Все новгородцы ликовали, не думая о будущем; один Михаил Храбрый не хотел брать участия в народном веселии, сидел в задумчивости подле Вадимовой статуи и в безмолвии острил меч на ее подножии. Пиршество заключилось ввечеру потешными огнями.

Скоро гонец возвратился из Пскова и на лобном месте вручил грамоту степенному посаднику. Он читал и с печальным видом отдал письмо Марфе... "Друзья! — сказала она знаменитым гражданам. — Псковитяне, как добрые братья, желают Новгороду счастья, — так говорят они, — только дают нам советы, а не войско, — и какие советы? Ожидать всего от Иоанновой милости!.." у "Изменники!" — воскликнули все граждане. "Недостойные!" повторяли гости чужеземные. "Отмстим им!" — говорил народ. "Презрением!" ответствовала Марфа, изорвала письмо и на отрывке его написала ко псковитянам: "Доброму желанию не верим, советом гнушаемся, а без войска вашего обойтись можем".

Новгород, оставленный союзниками, еще с большею ревностью начал вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы в его области[37] [Они назывались пятинами: Водскою, Обонежскою, Бежецкою, Деревскою, Шелонскою. (Примеч. автора.)] с повелением высылать войско. Жители берегов Невских, великого озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловати, Шелоны один за другими являлись в общем стане,

в который Мирослав вывел граждан новгородских. Усердие, деятельность и воинский разум сего юного полководца удивляли самых опытных витязей. Он встречал на коне солнце, составлял легионы, приучал их к стройному шествию, к быстрым движениям и стремительному нападению в присутствии жен новгородских, которые с любопытством и тайным ужасом смотрели на сей образ битвы. Между станом и вратами Московскими возвышался холм; туда обращался взор Мирослава, как скоро порыв ветра рассевал облака пыли: там стояла обыкновенно вместе с матерью прелестная Ксения, уже страстная, чувствительная супруга... Сердце невинное и скромное любит тем пламеннее, когда оно, следуя закону божественному и человеческому, навек отдается достойному юноше. Жены славянские издревле славились нежностью. Ксения гордилась Мирославом, когда он блестящим махом меча своего приводил все войско в движение, летал орлом среди полков — восклицал и единым словом останавливал быстрые тысячи; но чрез минуту слезы катились из глаз ее. Она спешила отирать их с ми-

лою улыбкою, когда мать на нее смотрела. Часто Марфа сходила с высокого холма и в шумном замешательстве терялась между бесчисленными рядами воинов.

Пришло известие, что Иоанн уже спешит к великому граду с своими храбрыми, опытными легионами. Еще из дальних областей новгородских, от Каргополя и Двины, ожидали войска, но верховный совет дал вождю повеление, и Мирослав сорвал покров с хоругви [38] отечества... Она возвеялась и громкое восклицание раздалось: "Друзья! В поле!" Сердца родителей и супруг затрепетали. Тысячи колеблются и выступают: первая и вторая состояли из знаменитых граждан и новгородских и людей житых; одежда их отличалась богатством, оружие — блеском, осанка — благородством, а сердца — пылкостью; каждый из них мог уже славиться делами мужества или почтенными ранами. Михаил Храбрый шел наряду с другими, как простой воин. Юный Мирослав взял его за руку, вывел вперед и сказал: "Честь витязей! Повелевай сими мужами знаменитыми!" Михаил хотел взглянуть на него с гордостью, но взор его изъяснил чув-

ствительность... "Юноша! Я — враг Борецких!.." — "Но друг славы новгородской!" — отвечивал Мирослав, и витязь обнял его, сказав: "Ты хочешь моей смерти!" За сим легионом шла дружина великодушных, под начальством ратсгера любекского. Знамя их изображало две соединенные руки над пылающим жертвенником, с надписью: "Дружба и благодарность!" Они вместе с новгородцами составляли большой полк, онежцы и волховцы — передовой, жители Деревской области — правую, шелонские — левую руку, а невские стражу. [Так разделялись тогда армии. Большим полком назывался главный корпус, а стражею, или сторожевым полком, — ариергард. (Примеч. автора.)] Мирослав велел войску остановиться на равнине... Марфа явилась посреди его и сказала:

"Воины! В последний раз да обратятся глаза ваши на сей град, славный и великолепный: судьба его написана теперь на щитах ваших! Мы встретим вас со слезами радости или отчаяния, прославим героев или устыдимся малодушных. Если возвратитесь с победою, то счастливы и родители и жены ново-

городские, которые обнимут детей и супругов, если возвратитесь побежденные, то будут счастливы сырые, бесчадные и вдовицы!.. Тогда живые позавидуют мертвым!

О воины великодушные! Вы идете спасти отечество и навеки утвердить благие законы его; вы любите тех, с которыми должны сражаться, но почто же ненавидят они величие Новаграда? Отрадите их — и тогда с радостью примиримся с ними!

Грядите — не с миром, но с войною для мира! Доныне бог любил нас, доныне говорили народы: "Кто против бога и великого Новаграда!" Он с вами: грядите!"

Заиграли на трубах и литаврах. Мирослав вырвался из объятий Ксении. Марфа, возложив руки на юношу, сказала только: "Исполни мою надежду". Он сел на гордого коня, блеснул мечом — и войско двинулось, громко взывая: "Кто против бога и великого Новаграда!"

Знамена развевались, оружие гремело и сверкало, земля стонала от конского топота — и в облаках пыли сокрылись грозные тысячи.

Жены новгородские не могли удержать

слез своих, но Ксения уже не плакала и с твердостью сказала матери: "Отныне ты будешь моим примером!"

Еще много жителей осталось в великом граде, но тишина, которая в нем царствует по отходе войска, скрывает число их. Торговая сторона [Часть города, где жили купцы. (Примеч. автора.)] опустела: уже иностранные гости не раскладывают там драгоценных своих товаров для прельщения глаз; огромные хранилища, наполненные богатствами земли русской, затворены; не видно никого на месте княжеском, где юноши любила славиться искусством и силою в разных играх богатырских — и Новгород, шумный и воинственный за несколько дней пред тем, кажется великою обителию мирного благочестия. Все храмы отворены с утра до полуночи; священники не снимают риз, свечи не угасают пред образами, фимиам беспрестанно курится в кадилах, и молебное пение не умолкает на крылосах, народ толпится в церквах, старцы и жены преклоняют колена. Робкое ожидание, страх и надежда волнуют сердца, и люди, встречаясь на стогнах, не видят друг друга... Так на-

род дерзко зовет к себе опасности издали, но, видя их вблизи бывает робок и малодушен! Одни чиновники кажутся спокойными — одна Марфа тверда душою, деятельна в совете, словоохотна на Великой площади среди граждан и весела с домашними. Юная Ксения не уступает матери в знаках наружного спокойствия, но только не может разлучиться с нею, укрепляясь в душе видом ее геройской твердости. Они вместе проводят дни и ночи, Ксения ходила с матерью даже в совет верховный.

Первый гонец Мирославов нашел их в саду: Ксения поливала цветы — Марфа сидела под ветвями древнего дуба в глубоком размышлении. Мирослав писал, что войско изъявляет жаркую ревность, что все именитые витязи уверяют его в дружбе и всех более Дмитрий Сильный, что Иоанн соединил полки свои с тверскими и приближается, что славный воевода московский Василий Образец идет впереди и что Холмский есть главный по князе начальник. Второй гонец привез известие, что новгородцы разбили отряд Иоаннова войска и взяли в плен пятьдесят москов-

ских дворян. С третьим Мирослав написал только одно слово: «Сражаемся». Тут сердце Марфы наконец затрепетало: она спешила на Великую площадь, сама ударила в вечевой колокол, объявила гражданам о начале решительной битвы, стала на Вадимовом месте, устремила взор на московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило... Уже лучи его пылали, но еще не было никакого известия. Народ ожидал в глубоком молчании и смотрел на посадницу. Уже наступил вечер... И Марфа сказала: "Я вижу облака пыли". Все руки поднялись к небу... Марфа долго не говорила ни слова... Вдруг, закрыв глаза, громко воскликнула: "Мирослав убит! Иоанн победитель!" — и бросилась в объятия к несчастной Ксении.

Книга третья

Марфа с высокого места Вадимова увидела рассеянные тысячи бегущих и среди них колесницу осененную знаменами: так издревле возили новгородцы тела убитых вождей своих...

Безмолвие мужей и старцев в великом граде было ужаснее вопля жен малодушных... Скоро посадница ободрилась и велела отпереть врата Московские. Беглецы не смели явиться народу и скрывались в домах. Колесница медленно приближалась к Великой площади. Вокруг ее шли, потупив глаза в землю — с горестию, но без стыда, — люди житые и воины чужеземные; кровь запеклась на их оружии; обломанные щиты, обрубленные шлемы показывали следы бесчисленных ударов неприятельских. Под сению знамен, над телом вождя, сидел Михаил Храбрый, бледный, окровавленный; ветер развевал его черные волосы, и томная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой площади... Граждане обнимали воинов, слезы

текли из глаз их. Марфа подала руку Михаилу с видом сердечного дружелюбия; он не мог идти: чиновники внесли его на железные ступени Вадимова места. Посадница открыла тело убитого Мирослава... На бледном лице его изображалось вечное спокойствие смерти... "Счастливым юноша!" произнесла она тихим голосом и спешила внимать Храброму Михаилу. Ксения обливала слезами хладные уста своего друга, но сказала матери: "Будь покойна: я дочь твоя!"

На щитах посадили витязя, от ран ослабевшего, но он собрал изнуренные силы, поднял томную голову, оперся на меч свой и вещал твердым голосом:

"Народ и граждане! Разбито воинство храброе, убит полководец великий! Небо лишило нас победы — не славы!

На берегах Шелоны мы встретились с Иоанном. Его именем князь Холмский требовал тайного свидания с Мирославом. "Увидимся на поле ратном!" отвечивал гордый юноша — и стройно поставил воинство, Онежцы первые вступили в бой на высотах Шелонских: там Образец, славный воевода

московский, принял их удары на щит свой... Мы шли в середине, тихо и в безмолвии. Мирослав впереди наблюдал движения и силу врагов. Войнство Иоанново было многочисленнее нашего; необозримые ряды его теснились на равнине. Мы видели князя московского на белом коне, видели, как он распоряжал легионы и блестящим мечом своим указывал на сердце Новгородское, на хоругвь отечества, видели князя Холмского, с сильным отрядом идущего окружить нас... Мирослав повелел, и стража невская с Димитрием Сильным двинулась навстречу к нему. Вероломный!.. Еще онежцы и волховцы не могли занять бугров шелонских: меч витязя Образца дымился их кровию. Мирослав, пылая нетерпением, летел туда на бурном коке своем: мы взглянули — и знамена новгородские уже развевались на холмах — и волховцы на щитах своих подняли вверх тело убитого начальника московского. Тогда воскликнув громогласно: "Кто против бога и великого Новаграда?", все ряды наши устремились в битву и сразились... На сей равнине затрещало оружие, и кровь полилась рекою. Я видал битвы, но никогда та-

кой не видывал. Грудь русская была против груди русской, и витязи с обеих сторон хотели доказать, что они славяне. Взаимная злоба братии есть самая ужасная!.. Тысячи падали, но первые ряды казались целы и невредимы. каждый пылал ревностию заступить место убитого и безжалостно попирал ногою труп своего брата, чтобы только отмстить смерть его. Воины Иоакновы стояли твердынею непоколебимою, новгородские стремились на них, как бурные волны. Одни сражались за честь, другие за честь и вольность: мы шли вперед!., за полководцем нашим, который искал взором Иоанна. Князь московский был окружен знаменитыми витязями; Мирослав рассек сию крепкую ограду — поднял руку — и медлил. Сильный оруженосец Иоаннов ударил его мечом в главу, и шлем распался на части: он хотел повторить удар, но сам Иоанн закрыл Мирослава щитом своим. Опасность вождя удвоила наши силы — и скоро главная дружина московская замешалась. Новгородцы воскликнули победу, но в то же мгновение имя Иоанново гремело за нами... Мы с удивлением обратили взор: князь Холмский с

тылу разил левое крыло новгородское... Дмитрий изменил согражданам!.. Не исполнил повелений вождя, завел стражу в непроходимые блата, не встретил врага и дал ему время окружить наше войско. Мирослав спешил ободрить изумленных шелонцев: он помог им только умереть великодушнее! Герой сражался без шлема, но всякий усердный воин новгородский служил ему щитом. Он увидел Дмитрия среди московской дружины — последним ударом наказал изменника и пал от руки Холмского, но, падая на берегу Шелоны, бросил меч свой в быстрые воды ее..."

Тут ослабел голос Михаила, взор помрачился облаком, бледные уста онемели, меч выпал из руки его, он затрепетал — взглянул на образ Вадимов и закрыл навеки глаза свои... Чиновники положили тело его на колесницу, рядом с Мирославовым.

"Народ! — сказал Александр Знаменитый, старший из витязей, благослови память Михаила! Он вышел из битвы с хоругвию отечества, с телом Мирослава, обогранный кровию бесчисленных врагов и собственною, собрал остатки храбрых людей житых, дружины ве-

ликодушных и в самом бедствии казался грозным Иоанну — враги видели нас еще не мертвых и стояли неподвижно. Радость победы изображалась на их лицах вместе с ужасом: они купили ее смертью славнейших московских витязей. Народ и чиновники! Многие новгородцы погибли славно: радуйтесь! Некоторые спаслись бегством: презирайте малодушных! Мы живы, но не стыдимся! Считайте знаменитых граждан: их осталось менее половины, все они легли вокруг хоругви отечества". "Считите нас! — сказал начальник дружины великодушных, — из семи сот чужеземных братии новгородских видите третью часть: все они легли вокруг Мирослава".

"Убиты ли сыны мои?" — спросила Марфа с нетерпением. «Оба», отвечивал Александр Знаменитый [В летописях сказано, что сын ее Димитрий был взят в плен. (Примеч. автора.)] сгорестию. "Хвала небу! — сказала посадница. — Отцы и матери новгородские! Теперь я могу утешать вас!.. Но прежде, о народ, будь строгим, неумолимым судиею и реши судьбу мою! Унылое молчание царствует на Великой площади; я вижу знаки отчаяния

на многих лицах. Может быть, граждане сожалеют о том, что они не упали на колена пред Иоанном, когда Холмский объявил нам волю его властвовать в Новгороде; может быть, тайно обвиняют меня, что я хотела оживить в сердцах гордость народную!.. Пусть говорят враги мои, и если они докажут, что сердца новгородские не ответственны моему сердцу, что любовь к свободе есть преступление для гражданки вольного отечества, то я не буду оправдываться, ибо славлюсь моею виною и с радостью кладу голову свою на плаху. Пошлите ее в дар Иоанну и смело требуйте его милости!.."

"Нет, нет! — воскликнул народ в живейшем усердни. — Мы хотим умереть с тобою! Где враги твои? Где друзья Иоашювы? Пусть говорят они: мы пошлем их головы к князю московскому!" Отцы, которые лишились детей в битве шелонской, тронутые великодушием Марфы, целовали одежду ее и говорили: "Прости нам! Мы плакали!" Слезы текли из глаз Марфы. "Народ! — сказала она. — С такою душою ты еще не побежден Иоанном! Нет величия без опасностей и бедствия: небо

искушает ими любимцев своих. Бывали тучи над великим градом, но отцы наши не опускали мечей, и мы родились свободными. Издревле счастье воинское славится превратностью. Новгород видал тела полководцев на лобном месте, видал надменного врага пред стенами своими: кто ж входил в них доньше! Одни друзья его. Народ великодушный! Будь тверд и спокоен! Еще не все погибло! Борецкая жива и говорит с тобою! Когда железные ступени перестанут звучать под ногами моими, когда взор твой в час решительный напрасно будет искать меня на Вадимовом месте, когда в глубокую ночь погаснет лампада в моем высоком тереме и не будет уже для тебя знаком, что Марфа при свете ее мыслит о благе Новаграда, тогда, тогда скажи: "Все погибло!.." Теперь, друзья: сограждане, воздадим последнюю честь вождю Мирославу и витязю Михаилу! Чиновники ваши пекутся о безопасности града". Она дала знак рукою, и колесница тронулась. Чиновники и народ проводили ее до Софийского храма. Феофил с духовенством встретил их. Степенный посадник и тысяцкий положили тела во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслил успокоиться в великом граде. Чиновники поставили стражу и заключились в доме Ярослава для совета с Марфою. Граждане толпились на стогнах и боялись войти в дома свои — боялись вопля жен и матерей отчаянных. Утомленные воины не хотели отдохновения, стояли пред Вадимовым местом, облокотясь на щиты свои, и говорили: "Побежденные не отдыхают!" Ксения молилась над телом Мирослава.

На заре утренней раздалось святое пение в Софийском храме. Гробы витязей были открыты. Марфа, Ксения, старец, родитель Михаила, и воины с окровавленными знаменами окружали их. Горесть изображалась на лицах, никто не дерзал стенать и плакать. Иосиф Делинский именем Новаграда положил во гробы хартию[39] славы!.. [На сих хартиях (говорит автор) изображались славные дела усопшего. (Примеч. автора.)] Их опустили в землю под веянием хорутви отечества. Посадница стала на могилу; она держала в руке цветы и говорила: "Честь и слава храбрым! Стыд и поношение робким! Здесь лежат зна-

менитые витязи: совершились их подвиги; они успокоились в могиле и ничем уже не должны отечеству, но отечество должно им вечною благодарностию, О воины новгородские! Кто из вас не позавидует сему жребию! Храбрые и малодушные умирают: блажен, о ком жалеют верные сограждане и чьею смертью они гордятся! Взгляните на сего старца, родителя Михайлова: согбенный летами и болезнями, бесчадный[40] при конце жизни, он благодарит небо, ибо Новгород погребает великого сына его. Взгляните на сию вдовицу юную: брачное пение соединилось для нее с гимнами смерти, но она тверда и великодушна, ибо ее супруг умер за отечество... Народ! Если всевышнему угодно сохранить бытие твое, если грозная туча рассеется над нами и солнце озарит еще торжество свободы в Новгороде, то сие место да будет для тебя священно! Жены знаменитые да украшают его цветами, как я теперь украшаю ими могилу любезнейшего из сынов моих... (Марфа рассыпала цветы)... и витязя храброго, некогда врага Борецких, но тень его примирилась со мною: мы оба любили отечество!.. Старцы, мужи и

юноши да славят здесь кончину героев и да клянут память изменника Димитрия!" — "Клятва,[41] вечная клятва его имени и роду!" — воскликнули все чиновники и граждане, — и брат Димитрия упал мертвый в толпе народной, — и супруга его отчаянная[42] бросилась в шумную глубину Волхова.

Уже легионы Иоанновы приближались к великому граду и медленно окружали его: народ с высоких стен смотрел на их грозные движения. Уже белый шатер княжеский, золотым шаром увенчанный, стоял пред воротами Московскими — и степенный тысяцкий отправился послом к Иоанну. Новгородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить ее миром. Марфа знала сердца народные, душу великого князя и спокойно ожидала его ответа. Тысяцкий возвратился с лицом печальным: она велела ему объявить всенародно успех посольства... "Граждане! — сказал он. — Ваши мудрые чиновники думали, что князь московский хотя и победитель, но самую победою, трудною и случайною, уверенный в великодушии новгородском, может еще примириться с нами... Бояре вве-

ли меня в шатер Иоанна... Вы знаете его величие: гордым взором и повелительным движением руки он требовал от меня знаков рабского унижения...

"Князь Московский!. - я вещал ему. — Новгород еще сзободен! Он желает мира, не рабства. Ты видел, как мы умираем за вольность: хочешь ли еще напрасного кровопролития? Пощади своих витязей: отечеству русскому нужна сила их. Если казна твоя оскудела, если богатство новгородское прельщает тебя — возьми наши сокровища: завтра принесем их в стан твой с радостью, ибо кровь сограждан нам драгоценнее золота, но свобода и самой крови нам драгоценнее. Оставь нас только быть счастливыми под древними законами, и мы назовем тебя своим благодетелем, скажем: "Иоанн мог лишить нас верховного блага и не сделал того; хвала ему". Но если не хочешь мира с людьми свободными, то знай, что совершенная победа над ними должна быть их истреблением, а мы еще дышим и владеем оружием; знай, что ни ты, ни преемники твои не будут уверены в искренней покорности Новаграда, доколе древние

стены его не опустеют или не примут в себя жителей, чуждых крови нашей!" — "Покорность без условия или гибель мятежникам!" — отвечивал Иоанн и с гневом отвратил лицо свое. — Я удалился".

Марфа предвидела действие: народ в страшном озлоблении требовал полководца и битвы. Александру Знаменитому вручили жезл начальства — и битвы начались...

Дела славные и великие! Одни русские могли с обеих сторон так сражаться, могли так побеждать и быть побеждаемы. Опытность, хладнокровие мужества и число благоприятствовали Иоанну; пылкая храбрость одушевляла новгородцев, удвояла силы их, заменяла опытность; юноши, самые отроки становились в ряды на место убитых мужей, и воины московские не чувствовали ослабления в ударах противников. С торжеством возглашалось имя великого князя: иногда, хотя и редко, имя вольности и Марфы бывало также радостным кликом победителей (ибо вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде). Часто Иоанн, видя славную гибель упорных новгородцев, восклицал горестно:

"Я лишаюсь в них достойных моего сердца подданных!" Бояре московские советовали ему удалиться от града, но великая душа его содрогалась от мысли уступить непокорным. "Хотите ли, — он с гневом ответствовал, — хотите ли, чтобы я венец Мономаха[43] положил к ногам мятежников?.." И суровые муромцы, жители темных лесов, усердные владимирцы спешили к нему на вспоможение. Три раза обновлялась дружина княжеская, из храбрых дворян состоящая, и знамена ее (на которых изображались слова: "С нами бог и государь!") дымились кровью.

Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новгороде воспаляла умы и сердца. Народ, часто великодушный, нередко слабый, унывал духом, когда новые тысячи приходили в стан княжеский. "Марфа! — говорил он. — Кто наш союзник? Кто поможет великому граду?.." "Небо, — ответствовала посадница, — Влажная осень наступает, блата, нас окружающие, скоро обратятся в необозримое море, всплывут шатры Иоанновы, и войско его погибнет или удалится". Луч надежды не угасал в серд-

цах, и новгородцы сражались. Марфа стояла на стене, смотрела на битвы и держала в руке хоругвь отечества; иногда, видя отступление новгородцев; она грозно восклицала и махом святой хоругви обращала воинов в битву. Ксения не разлучалась с нею и, видя падение витязей, думала: "Так пал Мирослав любезный!" Казалось, что сия невинная, кроткая душа веселилась ужасами кровопролития — столь чудесно действие любви! Сии ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксения всего более хотела и любила заниматься ею. Она знала Холмского по его оружию и доспехам, обогранным кровию Мирослава; огненный взор ее звал все мечи, все удары новгородские на главу московского полководца, но железный щит его отражал удары, сокрушал мечи, и рука сильного витязя опускалась с тяжкими язвами и гибелиюна смелых противников. Александр Знаменитый с веселием спешил на ратное поле, с видом горести возвращался; он предвидел неминуемое бедствие отечества, искал только славной смерти и нашел ее среди московской дружины. С того времени одни храбрые юноши заступали

место вождей новгородских, ибо юность всего отважнее. Никто из них не умирал без славного дела.

В одну ночь степенный посадник собрал знатнейших (бояр на думу — и при восходе солнца ударили в вечевой колокол. Граждане летели на Великую площадь, и все глаза устремились на Вадимово место: Марфа и Ксения вели на его железные ступени пустытника Феодосия. Народ общим криком изъявил свое радостное удивление. Старец взирал на него дружелюбно, обнимал знатных чиновников — и сказал, подняв руки к небу: "Отечество любезное! Приими снова в недра свои Феодосия! В счастливые дни твои я молился в пустыне, но братья мои гибнут, и мне должно умереть с ними, да совершится клятвенный обет моей юности и род Молинских!.." Иосиф Делинский, провождаемый тысячскими и боярами, несет златую цепь[44] из Софийского храма, возлагает ее на старца и говорит ему: "Будь еще посадником великого града! Исполни усердное желание верховного совета! С радостию уступаю тебе мое достоинство: я могу владеть оружием; могу уме-

реть в поле!., Народ! Объяви волю свою!.." — "Да будет! Да будет!" — громогласно ответствовали граждане, и Марфа сказала: "О славное торжество любви к отечеству! Старец, которого Новгород уже давно оплакал, как мертвого, воскресает для его служения! Отшельник, который в тишине пустыни и земных страстей забыл уже все радости и скорби человека, вспомнил еще обязанности гражданина: оставляет мирную пристань и хочет делить с нами опасности времен бурных! Народ и граждане! Можете ли отчаиваться? Можете ли сомневаться в небесной благодати, когда небо уступает нам своего избранного, когда столетняя мудрость и добродетель будет председатель в верховном совете? Возвратился Феодосии: возвратится и благоденствие, которым вы некогда под его мудрым правлением наслаждались. Тогда воспоминание минувших бедствий, искусивших твердость сердец новгородских, обратится в славу нашу, и мы будем тем счастливее, ибо слава есть счастье великих народов!"

Делинский и Марфа убедили Феодосия торжественно явиться в великом граде; они ду-

мали, что сия нечаянность сильно подействует на воображение народа, и не обманулись. Граждане лобызали руки старца, подобно детям, которые в отсутствие отца были несчастливы и надеются, что опытная мудрость его прекратит беды их. Долговременное уединение и святая жизнь напечатлели на лице Феодосия неизъяснимое величие, но он мог служить отечеству только усердными обетами чистой души своей — и бесполезными, ибо суды вышнего неприменны!

Новый посадник, следуя древнему обыкновению, должен был угостить народ: Марфа приготовила великолепное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! Еще дух братства оживил сердца! Они веселились на могилах, ибо каждый из них уже оплакал родителя сына или брата, убитых на Шелоне и во время осады кровопролитной. Сие минутное счастливое забвение было последним благодеянием судьбы для новгородцев.

Скоро открылось новое бедствие, скоро в великом граде, лишенном всякого сообщения с его областями хлебородными, житницы[45] народные, знаменитых граждан и гостей чу-

жеземных опустели. Еще несколько времени усердие к отечеству терпеливо сносило недостаток: народ едва питался и молчал. Осень наступала, ясная и тихая. Граждане всякое утро спешили на высокие стены и видели — шатры московские, блеск оружия, грозные ряды воинов; все еще думали, что Иоанн удалится, и ма" лейшее движение в его стане казалось им верным знаком отступления... Так надежда возрастает иногда с бедствием, подобно светильнику, который, готовясь угаснуть, расширяет пламя свое... Марфа страдала во глубине души, но еще являлась народу в виде спокойного величия, окруженная символами изобилия и дарами земными: когда ходила по стогнам, многочисленные слуги носили за нею корзины с хлебами; она раздавала их, встречая бледные, изнуренные лица — и народ еще благословлял ее великодушие. Чиновники день и ночь были в собрании. Уже некоторые из них молчанием изъявляли, что они не одобряют упорства посадницы и Делийского, некоторые даже советовали войти в переговоры с Иоанном, но Делинский грозно подымал руку, столетний Феодосии се-

дыми власами отирал слезы свои, Марфа вступала в храмину совета, и все снова казались твердыми. — Граждане, гонимые тоскою из домов своих, нередко видали по ночам, при свете луны, старца Феодосия, стоящего на коленях пред храмом Софийским; юная Ксения вместе с ним молилась, но мать ее, во время тишины и мрака, любила уединяться на кладбище Борецких, окруженном древними соснами: там, облокотясь на могилу супруга, она сидела в глубокой задумчивости, беседовала с его тению и давала ему отчет в делах своих. Наконец ужасы глады сильно обнаружались, и страшный вопль, предвестник мятежа, раздался на стогнах. Несчастные матери взывали: "Грудь наша иссохла, она уже не питает младенцев!" Добрые сыны новгородские восклицали: "Мы готовы умереть, но не можем видеть лютой смерти отцов наших!" Борецкая спешила на Вадимово место, указывала на бледное лицо свое, говорила, что она разделяет нужду с братьями новгородскими и что великодушное терпение есть должность их... В первый раз народ не хотел уже внимать словам ее, не хотел умолкнуть; с из-

нурением телесных сил и самая душа его ослабела; казалось, что все погасло в ней и только одно чувство глады терзало несчастных. Враги посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, бесчеловечною... Она содрогнулась... Тайные друзья Иоанновы кричали пред домом Ярославовым: "Лучше служить князю московскому, нежели Борецкой; он возвратит изобилие Новуграду: она хочет обратить его в могилу!.." Марфа, гордая, величаявая, — вдруг упадает на колена, поднимает руки и смиренно молит народ выслушать ее. Граждане, пораженные сим великодушным унижением, безмолвствуют... "В последний раз, — вещает она, — в последний раз заклиная вас быть твердыми еще несколько дней! Отчаяние да будет нашею силою! Оно есть последняя надежда героев. Мы еще сразимся с Иоанном, и небо да решит судьбу нашу!.." Все воины в одно мгновение обнажили мечи свои, взывая: "Идем, идем сражаться!" Друзья Иоанновы и враги посадницы умолкли. Многие из граждан прослезились, многие сами упали на колена пред Марфою, называли ее материю новгородскою и

снова клялись умереть великодушно. Сия минута была еще минутою торжества сей гордой жены. Врата Московские отворились, воины спешили в поле: она вручала хоругвь отечества Делийскому, который обнял своего друга и, сказав: "Прости навеки!", удалился.

Войско Иоанново встретило новгородцев... Битва продолжалась три часа, она была чудесным усилением храбрости... Но Марфа увидела наконец хоругвь отечества в руках Иоаннова оруженосца, знамя дружины великодушных — в руках Холмского, увидела поражение своих, воскликнула: "Совершилось!", прижала любезную дочь к сердцу, взглянула на лобное место, на образ Вадимов — и тихими шагами пошла в дом свой, опираясь на плечо Ксении. Никогда не казалась она величественнее и спокойнее.

Делийский погиб в сражении, остатки воинства едва с. паслися. Граждане, чиновники хотели видеть Марфу, и широкий двор ее наполнился толпами людей: она растворила окно, сказала: "Делайте что хотите!" — и закрыла его. Феодосии, по требованию народа, отправил послов к Иоанну: Новгород отдавал

ему все свои богатства, уступал наконец все области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правление. Князь московский отвечивал: "Государь милует, но не приемлет условий". Феодосии в глубокую ночь, при свете факелов, объявил гражданам решительный ответ великого князя... Взор их невольно искал Марфы, невольно устремился на высокий терем ее: там угасла ночная лампада! Они вспомнили слова посадницы... Несколько времени царствовало горестное молчание. Никто не хотел первый изъявить согласия на требование Иоанна; наконец друзья его ободрились и сказали: "Бог покоряет нас князю московскому; он будет отцом Новгорода". Народ пристал к ним и молил старца быть его ходатаем. Граждане в сию последнюю ночь власти народной не смыкали глаз своих, сидели на Великой площади, ходили по стогнам, нарочно приближались к вратам, где стояла воинская стража, и на вопрос ее: "Кто они?" — еще с тайным удовольствием отвечивали: "Вольные люди новгородские!" Везде было движение, огни не угасали в домах: только в жилище Борецких все казалось

мертвым.

Солнце восходило — и лучи его озарили Иоанна, сидящего на троне, под хоругвюшю новгородскою, среди воинского стана, полководцев и бояр московских взор его сиял величием и радостью. Феодосии медленно приближался к трону; за ним шли все чиновники великого града. Посадник стал на колена и вручил князю серебряные ключи от врат Московских — тысяцкие преломили жезлы свои, и старосты пяти концов новгородских положили секиры к ногам Иоанновым. Слезы лились из очей Феодосия. "Государь Новаграда!" — сказал он, и все бояре московские радостно воскликнули: "Да здравствует великий князь всея России и Новаграда!.." — "Государь! — продолжал старец. — Судьба наша в руках твоих. Отныне воля самовластителя будет для нас единственным законом. Если мы, рожденные под иными уставами, кажемся тебе виновными, да падут наши головы! Все чиновники, все граждане виновны, ибо все любили свободу! Если простишь нас, то будем верными подданными: ибо сердца русские не знают измены, и клятва их надежна. Твори,

что угодно владыке самодержавному!.." Иоанн дал знак рукою, и Холмский поднял Феодосия. "Суд мой есть правосудие и милость! — вещал он. — Милость всем чиновникам и народу..." — "Милость! Милость!" — воскликнули бояре московские. "Милость! Милость!" — радостно повторяло все войско: казалось, что она ему была объявлена, — столь добродушны русские!

Одни чиновники новгородские стояли в мрачном безмолвии, потупив глаза в землю. "Бог судил меня с новгородцами, — сказал Иоанн, — кого наказал он, того милую! Идите; да узнает народ, что Иоанн желает быть отцом его!" Он дал тайное повеление Холмскому, который, взяв с собою отряд воинов, занял врата Московские и принял начальство над градом: окрестные селения спешили доставить изобилие его изнуренным жителям.

Друзья Борецких хотели видеть Марфу: она и дочь ее сидели в тереме за рукодельем... "Не бойся мести Иоанновой, — сказали друзья, — он всех прощает". Марфа ответствовала им гордою улыбкою — и в сие мгновение застучало оружие в доме ее. Холмский

входит, ставит воинов у дверей и велит боярам новгородским удалиться. Марфа, не изменяясь в лице, дружелюбно подала им руку и сказала: "Видите, что князь московский уважает Борецкую: он считает ее врагом опасным! Простите!.. Вам еще можно жить..." Бояре удалились. Холмский с угрозами начал ее допрашивать о мнимых тайных связях с Литвою; посадница молчала и спокойно шила золотом. Видя непреклонную твердость ее, он смягчил голос и сказал: "Марфа! Государь поверит одному слову твоему..." — "Вот оно, — ответствовала посадница, — пусть Иоанн велит умертвить меня и тогда может не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самого Новаграда!.." Князь, благородный сердцем, вышел, удивляясь ее великодушию. Граждане толпились вокруг дома Борецких: напрасно воины хотели удалить их, но вдруг раздался звон колокольный во всех пяти концах, и народ, всегда любопытный, забыл на время судьбу Марфы: он спешил навстречу к Иоанну, который с величием и торжеством въезжал в Новгород, под сению хоругви отечества, среди легионов многочисленных, в венце Мо-

номаха и с мечом в руке.

Марфа, заключенная в доме своем, услышала звон колокольный и громкие восклицания: "Да здравствует государь всея России и великого Новаграда!.." — "Давно ли, — сказала она милой дочери, которая, положив голову на грудь ее, с нежным умилением смотрела ей в глаза, — давно ли сей народ славил Марфу и вольность? Теперь он увидит кровь мою и не покажет слез своих, иногда с горестию будет вспоминать меня, но происшествия новые скоро займут всю душу его, и только слабые, хладные следы бытия моего останутся в преданиях суетного любопытства!.. И геройство пылает огнем дел великих, жертвует драгоценным спокойствием и всеми милыми радостями жизни... кому? Неблагодарным! Я могла бы наслаждаться счастьем семейственным, удовольствиями доброй матери, богатством, благотворением, всеобщую любовь, почтением людей и — самую нежную горестию о великом отце твоём, но я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца — и хотела ужасов войны; самую нежность мате-

ри — и не могла плакать о смерти сынов моих!.. (Тут в первый раз глаза Марфы наполнились слезами раскаяния)... Прости мне, тень великодушного супруга! Сие движение было последним гласом женской слабости. Я клялась заступить твое место в отечестве и, конечно, исполнила клятву свою: ибо князь московский считает меня достойною погибнуть вместе с вольностью новгородскою! Ты позавидовал бы моей доле, если бы еще дышал для отечества; самая неблагодарность народа возвысила бы в глазах твоих цену великодушной жертвы: награда признательности уменьшает ее. Теперь я спокойно ожидаю смерти!.. Знаю Иоанна, он знает Марфу и должен одним ударом сразить гордость новгородскую: кто дерзнет восстать против монарха, который наказал Борецкую?.. Герои древности, побеждаемые силою и счастьем, лишали себя жизни; бесстрашные боялись казни: я не боюсь ее. Небо должно располагать жизнью и смертью людей; человек волен только в своих делах и чувствах". Ксения слушала мать свою и разумела слова ее.

Иоанн пред храмом Софийским сошел с ко-

ня: Феофил и духовенство встретили его со крестами. Сей великий государь принес жертву моления и благодарности всевышнему. Все славные воеводы московские, преклонив колена, слезами изъявляли радость свою. Иоанн в доме Ярослава угостил роскошною трапезою бояр новгородских и державною рукою своею сыпал золото на беднейших граждан, которые искренне и добросердечно славили его благодетельность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великий государь русский победил русских: любовь отца-монарха сияла в очах его.

Вечеру многочисленные стражи явились на стогнах и повелели гражданам удалиться, но любопытные украдкою выходили из домов и видели, в глубокую полночь, Иоанна и Холмского, в тишине идущих к Софийскому храму; два воина освещали их путь факелом, остановились в ограде, и великий князь наклонился на могилу юного Мирослава; казалось, что он изъявлял горесть и с жаром упрекал Холмского смертию сего храброго витязя... Новгородцы вспомнили тогда, что государь щитом своим отразил меч оруженосца, хотев-

шего умертвить Мирослава; удивлялись — и никогда не могли сведать тайны Иоаннова благоволения к юноше. — Сии любопытные приведены были в ужас другим зрелищем: они видели множество пламенников[46] на Великой площади, слышали стук секир — и высокий эшафот явился пред домом Ярослава. Новгородцы думали, что Иоанн нарушит слово и что гнев его поразит всех именитых граждан.

На рассвете загремели воинские бубны. Все легионы московские были в движении, и Холмский с обнажен" ным мечом скакал по стогнам. Народ трепетал, но собирался на Великой площади узнать судьбу свою. Там, на эшафоте, лежала секира. От конца Славянского до моста Вадимова стояли воины с блестящим оружием и с грозным видом; воеводы сидели на конях пред своими дружинами. Наконец железные запоры упали, и врата Борецких растворились, выходит Марфа в златой одежде и в белом покрывале. Старец Феодосии несет образ пред нею. Бледная, но твердая Ксения ведет ее за руку. Копья и мечи окружают их. Не видно лица Марфы, но так

величаво ходила она всегда по стогнам, когда чиновники ожидали ее в совете или граждане на вече. Народ, и воины соблюдали мертвое безмолвие, ужасная тишина царствовала; посадница остановилась пред домом Ярослава. Феодосии благословил ее. Она хотела обнять дочь свою, но Ксения упала; Марфа положила руку на сердце ее знаком изъявила удовольствие и спешила на высокий эшафот — сорвала покрывало с головы своей: казалась томною, но спокойною — с любопытством посмотрела на лобное место (где разбитый образ Вадимов лежал, во прахе) взглянула на мрачное, облаками покрытое небо — с величественным унынием опустила взор свой на граждан... приближалась к орудию смерти и громко сказала народу: "Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою!.." Не стало Марфы... Многие невольно воскликнули от ужаса, другие закрыли глаза рукою. Тело посадницы одели черным покровом... Ударили в бубны — и Холмский, держа в руке хартию, стал на бывшем Вадимовом месте. Бубны умолкли... Он снял пернатый шлем с головы своей и читал громогласно следую-

щее: "Слава правосудию государя! Так гибнут виновники мятежа и кровопролития! Народ и бояре! не ужасайтесь: Иоанн не нарушит слова: на вас милующая десница его. Кровь Борецкой примиряет вражду единоплеменных; одна жертва, необходимая для вашего спокойствия, навеки утверждает сей союз неразрывный. Отныне предадим забвению все минувшие бедствия; отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий — отцом и главою. Народ! Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья: Иоанн обещает их вам пред лицом бога всемогущего..."

Тут князь московский явился на высоком крыльце Ярославова дому, безоружен и с главою открытою: он взирал на граждан с любовью и положил руку на сердце. Холмский читал далее:

"Обещает России славу и благоденствие, клянется своим и всех его преемников именем, что польза народная во веки веков будет любезна и священна самодержцам российским — или да накажет бог клятвопре-

ступника! Да исчезнет род его и новое, небом благословенное поколение да властвует на троне ко счастью людей!" [Род Иоаннов пересекся, и благословенная фамилия Романовых царствует. (Примеч. автора.)]

Холмский надел шлем. Легионы княжеские вzywали: "Слава и долголетие Иоанну!" Народ еще безмолвствовал. Заиграли на трубах — и в единое мгновение высокий эшафот разрушился. На месте его возвеялось белое знамя Иоанново, и граждане наконец воскликнули: "Слава государю российскому!"

Старец Феодосии снова удалился в пустыню и там, на берегу великого озера Ильменя, погреб тела Марфы и Ксении. Гости чужеземные вырыли для них могилу и на гробе изобразили буквы, которых смысл донныне остается тайною. Из семи сот немецких граждан только пятьдесят человек пережили осаду новгородскую: они немедленно удалились во свои земли. Вечевой колокол был снят с древней башни и отвезен в Москву: народ и некоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за ним с безмолвною горестию и слезами, как нежные дети за гробом

отца своего.

Примечания

Мудрый Иоанн — Иван III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский и царь "всея Руси", проводивший политику объединения русских княжеств в единое государство.

[^^^]

Якобинцы — наиболее решительная и последовательная группа деятелей Великой французской буржуазной революции XVIII века, не останавливавшаяся перед применением самых крайних мер, таких, как диктатура, террор, введение смертной казни. Якобинцы находились у власти в 1793 — 1794 гг.

[^^^]

3

Ярослав, по прозвищу Мудрый (978 — 1054), — князь Новгородский и Киевский, один из образованнейших людей своего времени. В его правление на Руси был создан первый письменный свод законов, известный в истории под названием "Русская Правда".

[^^^]

4

Катон (95 — 46 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель, республиканец и философ, покончивший жизнь самоубийством после поражения республиканской армии.

[^^^]

5

Дом Ярославов — в древнем Новгороде традиционная резиденция князей.

[^^^]

Посадники... тысяцкие — выборные правители древнего Новгорода.

[^^^]

Люди житые — зажиточные ремесленники,
домовладельцы.

[^^^]

Вадим, по прозвищу Храбрый (IX в.), — легендарный Новгородский князь славянин, возглавивший восстание новгородцев против первого новгородского князя-варяга Рюрика.

[^^^]

Олег (ум. 912) — князь Новгородский и Киевский.

[^^^]

Десница (устар.) — правая рука.

[^^^]

Олег... прибил щит свой... — по летописному известию, завоевав в 907 году столицу Византии — Царьград, Олег в знак победы прибил к воротам Царьграда свой боевой щит.

[^^^]

Святослав (ок. 942 — 972) — князь Новгородский и Киевский, талантливый полководец; в 971 году совершил поход на Царьград и вынудил византийского императора Цимисхия (925 — 976) к выгодному для Руси миру.

[^^^]

Ольга (ум. 969) — великая княгиня Киевская, жена князя Игоря, убитого древлянами в 945 году. Летописи рассказывают, что она жестоко отомстила древлянам за смерть мужа, сожгла их главный город Искоростень, казнила старейшин, разорила селения и наложила на древлян тяжкую дань.

Внук Ольгин — великий князь Киевский Владимир (ум. в 1015 г.), в правление которого на Руси было введено христианство. Имя «Владимир» Карамзин считает образованным от сокращения двух слов: "владелец мира".

[^^^]

Перун — в древнерусской языческой религии бог грома и молнии.

[^^^]

Казимир IV (1444 — 1492) — польский король и литовский князь. В 1471 году новгородские бояре заключили с ним тайный договор о переходе Новгорода под власть Литвы.

[^^^]

Берега Камы были свидетелями побед наших. — В 1468 году на Каме русские войска в столкновениях с отрядами казанских татар одержали ряд побед.

[^^^]

— Георгий, или Юрий (1188 — 1238) — великий князь Владимирский, погиб в битве с татарами на реке Сити. Андрей (1325 — 1399) — князь Полоцкий и Псковский, участник Куликовской битвы, погиб в битве с татарами на реке Ворксле. Михаил (ум. 1246) — князь Черниговский, убит татарами за отказ принять татарскую веру и служить хану.

[^^^]

Земная персть (устар.) — пыль.

[^^^]

Димитрий Донской (1350 — 1389) — великий князь Владимирский и Московский; в 1380 году одержал победу над войском Мамаю — хана Золотой Орды в Куликовской битве, положившей начало освобождению Руси от татарского ига.

[^^^]

Стогны (устар.) — площади.

[^^^]

Музыкальные орудия (устар.) — музыкальные инструменты.

[^^^]

Баян (VI в.) — хан воинственного кочевого народа аваров, или обров, покорившего некоторые славянские племена и разбитого в X в. венграми.

[^^^]

— по летописному свидетельству, Олег в 882 году захватил Киев и сделал его главным — стольным — городом своего княжества.

[^^^]

Сын Святослава Владимир при жизни отца был князем Новгородским.

[^^^]

Поносная (устар). - позорная.

[^^^]

Речь идет о битве новгородского войска, руководимого князем Александром Невским, с отрядами вторгшихся в 1240 году в новгородские пределы шведских рыцарей-крестоносцев, закончившейся победой новгородцев.

[^^^]

Став в 1247 году великим князем Владимирским, Александр Невский вынужден был безропотно повиноваться хану, и время от времени совершать унижительные поездки с дарами в Орду, так как понимал, что у Руси еще нет сил, чтобы выступить против татарского ига с оружием в руках.

[^^^]

Сартак (XIII в.) — хан Золотой Орды.

[^^^]

Изумила (устар.) — узнала, изучила.

[^^^]

Ратсгер (нем.) — член городского самоуправления.

[^^^]

Храм Софийский — главная церковь Новгорода, построенная в X! веке, замечательный памятник древнерусского зодчества.

[^^^]

Ванда — по народным польским легендам, польская королева, правившая в городе Кракове в легендарные, незапамятные времена.

[^^^]

Амурат II (ум. 1451) — турецкий султан.

[^^^]

Фряжское (устар.) — французское.

[^^^]

Прапор — знамя.

[^^^]

Великий магистр — глава рыцарского ордена.

[^^^]

Новгород являлся центром обширной территории, подчинявшейся ему и делившейся на пять областей, носивших название пятии.

[^^^]

Хоругвь — в Древней Руси знамя с вышитым на нем изображением какого-нибудь святого.

[^^^]

Хартия — старинная рукопись. От греческого «хартион» особым образом выделанная телячья кожа.

[^^^]

Бесчадный (устар.) — бездетный.

[^^^]

Клятва (устар.) — здесь: проклятье.

[^^^]

Отчаянная (устар). - здесь: в отчаянье.

[^^^]

Венец Мономаха — золотая остроконечная шапка, увенчанная крестом и опушенная соболиным мехом; по преданию, прислана в XI в. византийским императором Константином в дар Киевскому князю Владимиру Мономаху. До XVIII века служила торжественным коронационным венцом русских князей и царей. В настоящее время хранится в музее "Оружейная палата".

[^^^]

Златая цепь — золотая цепь, знак власти посадника.

[^^^]

Житницы — здесь: хлебные амбары.

[^^^]

Пламенники (устар.) — факелы.

[^^^]